

НОВЫЙ
исторический
РОМАН

Станислав ФЕДОТОВ

АМУР

ЛИЦОМ К ЛИЦУ
ДОРОГА В 1000 ЛИ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Ф34

Серия «Новый исторический роман»

Иллюстрация на обложке *Сергея Курганова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Федотов, Станислав Петрович

Ф34 Амур. Лицом к лицу. Дорога в 1000 ли : роман. / Станислав Федотов. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2023. — 352 с. — (Новый исторический роман).

ISBN 978-5-17-160116-4

Историческая судьба свела лицом к лицу на Амуре два великих государства, Россию и Китай, два великих народа, и с той поры они пошли рядом, тесно бок о бок, как два соседа по бесконечной дороге жизни. Были между ними разногласия, даже ссоры и столкновения, были взаимопомощь и клятвы в вечной дружбе — всё, как бывает у соседей. И жители этих стран вольно или невольно повторяли и повторяют в своей жизни их отношения. Истории двух семейств, двух родов — русского казака Саяпина и китайского сапожника Ван Сюймина — как в зеркале, отражают этот тернистый совместный путь: здесь есть место и любви, и ненависти, и порою неизвестно, чего больше и куда выведут эти взаимные чувства.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-160116-4 © Станислав Федотов, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

Прежде, чем кого-то осудить, надень
его обувь, пройди его путь, споткнись
о каждый камень, который лежал на его
дороге, прочувствуй его боль, попробуй
его слёзы... И только после этого расска-
жи ему, как нужно жить!

Кун-цзы

Лицом к лицу — лица не увидеть:
Большое видится на расстоянии...

Сергей Есенин

Дорога в 1000 ли начинается с перво-
го шага.

Кун-цзы

1

Телефонный звонок в одиннадцать часов утра оторвал Николая Александровича от приятного занятия — чтения своего тайного дневника. Он как раз переживал описание знакомства с «маленькой К.» — так он зашифровал свою юношескую любовь. Романтические отношения с ней формально закончились после помолвки с Алисой Гессенской, однако нечастые встречи, пусть теперь и без близости, доставляли ему эстетическое удовольствие. Свои чувства по поводу этих встреч он и доверял дневнику, который, как он полагал, если и будет открыт сторонним читателем, то никак не раньше, чем через сто лет, а тогда ни матушки, вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны, ни Аликс, ни его самого на этом свете уже не будет...

— Государь, доброе утро. Необходимо срочно обсудить очень важный вопрос.

Как всегда, без соблюдения придворного этикета. Можно сказать, неотёсанно и даже грубо. На

плохом французском языке. Впрочем, Витте и на русском изъясняется, как железнодорожный кондуктор, из среды которых когда-то вышел.

— Если мне не изменяет память, Сергей Юльевич, ваши вопросы всегда очень важные.

— Этот — из категории особо важных.

— Какой же?

— Могу сказать только с глазу на глаз. Я не доверяю телефону.

— С глазу на глаз — то есть мы с вами?

— Нет, государь. Следует пригласить министров — военного и иностранных дел.

— Кажется, Витте, я догадываюсь, о чём пойдёт речь. Хорошо. В три часа пополудни в Зимнем. Министров прошу пригласить от моего имени.

— Спасибо, ваше величество.

Николай Александрович повесил трубку, дал отбой и откинулся на спинку кресла. Чёрт бы побрал этого министра финансов! Бесцеремонно звонит, когда ему вздумается, ломает все планы... Правда, особых планов на день сегодня нет, но всё равно раздражает.

Планы были только на вечер.

Николай Александрович мечтательно улыбнулся: сегодня бенефис прелестной Панни, как он ещё называл «маленькую К.». Собственно, ей бенефис не полагался: она проработала всего десять лет, а для бенефиса требовалось двадцать, однако император выразил такое желание, и дирекция императорских театров не посмела отказать.

Петипа поставил для неё «Времена года» Александра Глазунова. Надо заказать цветы. Для старика, кстати, — тоже. Столько лет, а он всё работает и работает, прекрасную, между прочим, музыку пишет...

Возникшее было доброе настроение опять перебила мысль о звонке.

Николай Александрович не любил своего министра финансов. За его невоспитанность, плохой французский, за прямолинейность и резкость в суждениях, за упорство в отстаивании своего мнения и вообще за то, что смеет иметь это самое своё мнение. Даже за его большой рост и громоздкость, особенно заметные в тех случаях, когда министр оказывался рядом с императором. И что в нём батюшка нашёл, кроме этих габаритов?! Николай Александрович с превеликим удовольствием отправил бы строптивого министра финансов в отставку. Но... как же без него? Ведь, если по-честному, он, государь, за четыре года как-то привык, что на нём, единственном среди министров, вся Россия держится. Приходится терпеть.

Ровно в три часа пополудни Николай Александрович вошёл в рабочий кабинет. Подтянутый, стройный и — холодно-строгий. Таким, по его мнению, должен быть самодержавный правитель, а иначе как самодержавным он себя не мнил.

Сидевшие за столом для заседаний министры встали при его появлении и наклонили головы в знак приветствия.

Император ответил тем же и жестом руки предложил садиться. Сел и сам, быстрым взглядом скользнул по лицам.

— Не вижу Муравьёва.

Вскочил товарищ министра иностранных дел Ламсдорф, повадками и остроконечными усиками похожий на хитрого кота.

— Господин министр болен, государь. Просил его извинить.

«Болен, — внутренне усмехнулся император, — известно, чем он болен. Лентяй и гуляка. Все дела свалил на своего заместителя, а сам пьян или где-нибудь с цыганами и девицами гуляет. Ну да бог с ним, Ламсдорф справляется...»

Товарищ министра стоял в ожидании. На лице императора не дрогнула ни одна чёрточка. Он небрежно шевельнул рукой:

— Садитесь, Владимир Николаевич. Обойдёмся без него. — И продолжил так же, без эмоций: — Господа, мы собрались по весьма важному делу. Сергей Юльевич доложит о нём.

Витте встал. В шитом золотом мундире ему было тесно и неудобно — он привык к сюртуку, как хаживал на заседания при прежнем государе, — однако Николай Александрович брал пример с деда, Александра Освободителя, и требовал ношения мундира при делах с участием импера-

тора. Оспаривать это не решился даже он, влиятельнейший министр. Поэтому с трудом, но встал и раскрыл кожаную папку. Начал без церемоний и предисловий, с паузами, словно с трудом подбирая слова.

— Ваше величество, господа! Как известно... с позапрошлого года в восточной и северо-восточной части Китая развивается мятеж... восстание крестьян, ремесленников, безработных и прочей бродячей шушеры... вроде дезертиров. Началось, как обычно, — против власти, однако очень быстро кем-то было направлено против иностранцев, которые строят в Китае заводы, фабрики, железные дороги и тому подобное. И при этом они выступают якобы в защиту своей культуры и религии... против христианских церквей, миссий, в том числе православных. Эти их действия сопровождаются зверствами и убийствами. Они называют своё движение... — Витте остановился и заглянул в папку, — называют ихэтуань, что означает «отряды во имя мира и справедливости». А ещё их зовут боксёрами или большими кулаками, потому что на знамени у них изображён большой кулак.

Витте перевёл дыхание — очень уж длинный получился монолог — и оглядел присутствующих.

Император сидел с абсолютно невозмутимым видом, как будто всё озвученное его совершенно не касалось, хотя отлично знал, что Посольский квартал в Пекине, куда скрылись все дипломаты

и христиане-китайцы, осаждён повстанцами; что вице-адмирал Алексеев, глава арендуемой у Китая Квантунской области, по его указанию не единожды направлял русских солдат и матросов для противодействия повстанцам — и в Пекине, и на Южной линии Китайско-Восточной железной дороги, где уже наблюдались нападения на станции. И вообще, он знал всё обо всём, по крайней мере, из газет, с чтения которых начинался его рабочий день. В первую очередь из иностранных: в них, по мнению императора, было меньше словоблудия. Сергей Юльевич, наоборот, полагал, что иностранные врут напрапалую, но, при всей своей прямолинейности, на эту тему не высказывался: России это не вредит — и ладно.

Военный министр генерал-лейтенант Куропаткин при всех регалиях — а у него на мундире места нет свободного от орденов и медалей — был возбуждённо-весел и всё время ёрзал, словно что-то мешало сидеть спокойно. Медали при этом неприлично звякали.

Ламсдорф тоже не выглядел спокойным: поглядывал с хитрецей — то на государя императора, то на Витте, то на Куропаткина, как будто ему не терпелось рассказать нечто интересное.

— До сего времени, — продолжил Сергей Юльевич уже более спокойно, как будто преодолел некий барьер, — боксёры нам особых хлопот не доставляли. У нас хорошие договоры с цинским правительством и по КВЖД, и по аренде

Квантунской области, и Россия даже могла бы помочь императору Гуансюю в разгроме восставших, но в последние дни ситуация резко изменилась. Вдовствующая императрица Цыси отстранила Гуансюя от власти и собирается назначить премьером своего племянника Дуан-вана, ярого сторонника боксёров. Правительственные войска уже не сражаются с повстанцами, а нередко помогают им, и это становится серьёзной угрозой для строителей КВЖД, для имущества и построенных участков дороги. Надо предпринимать энергичные меры.

— Что сообщает главный инженер дороги? — спросил император.

— Как ни странно, Югович уверяет, что всё спокойно, что цзянь-цзюни — губернаторы провинций — заверяют о лояльности к русским и гарантируют их безопасность, однако стало известно, что идёт мобилизация войск и раздача оружия мятежникам. Наша Охранная стража насчитывает около пяти тысяч человек. На две с половиной тысячи вёрст дороги этого количества катастрофически мало. Я предлагаю срочно сформировать из военных запасных и отпускников, а также из состава казачьих войск Дона, Кубани, Терека, Забайкалья и Амура ещё не менее пяти тысяч добровольцев и отправить в Сунгари*, в распоряжение

* Сунгари — первоначальное название Харбина. Название Харбин город получил в 1901 году, после Китайского похода.

главы Охранной стражи генерал-майора Гернгросса.

— У вас всё? — спросил император.

— Всё, государь.

— Садитесь. Господа, прошу высказаться. Владимир Николаевич?

Ламсдорф вскочил:

— Ваше величество, последние пятьдесят лет Россия неудержимо стремится на восток. Это её историческая миссия — цивилизовать дикие земли, нести им блага прогресса, а кроме того...

— Владимир Николаевич, — укоризненно поморщился император, — вы бы ещё начали от сотворения мира. Ближе к делу.

— Посланник Гирс чуть не ежедневно шлёт телеграммы, — мгновенно переключился Ламсдорф, — требует военного вмешательства. Министерство иностранных дел поддерживает. Да, договор о концессии запрещает вводить войска в зону отчуждения КВЖД, но у нас есть секретный договор с цинским правительством о военной помощи.

— Императрица издала указ о поддержке повстанцев, — напомнил Витте.

— Но не разорвала секретный акт. Она лавирует. Боксёры ей нужны, чтобы их кулаки умили вмешательство иностранцев в традиционную жизнь Китая, а когда они выполняют эту задачу...

— Она с ними не справится, — перебил Витте.

— Достаточно споров, господа, — прервал император и обратился к Куропаткину: — Ваше мнение, Алексей Николаевич?

Генерал поднялся, звякнув медалями.

— Ваше величество, войска в Маньчжурию следует ввести немедленно. Как в своё время в Бухару и Коканд. Момент сейчас как никогда подходящий. Климат там, конечно, не такой, как в Средней Азии, но и у них можно создать вторую Бухару.

А он по-своему прав, подумал Витте. Имеет опыт. За восемь лет, пока был начальником Закаспийской области, она просто преобразилась, из разбойничьего захолустья превратилась в цветущий край с прекрасным сельским хозяйством и торговлей. Солдафон, конечно, однако замечательно умеет договариваться с аборигенами. Глядишь, и Маньчжурию цивилизует. Но главное, конечно, торговля с богатым юго-востоком, железная дорога и незамерзающие порты...

От размышлений его отвлёк звон колокольчика: император вызвал секретаря. Тот появился мгновенно с раскрытым для записи блокнотом.

— Подготовьте следующие распоряжения, — голос монарха оставался ровным и поэтому казался равнодушным. — Первое: Охранную стражу КВЖД увеличить на шесть тысяч человек. Срочно. Исполнение возложить на военного министра. Второе: с 11 июня объявить частичную мобилизацию в Приамурском военном округе и быть готовыми ко всяким военным неожиданностям.